

Ольга Кузнецова

АНТИЧНОСТЬ
НА РУСИ

ПОХИЩЕНИЕ
ЧУДОВИЩ

Издательство АСТ
Москва

УДК 398.4
ББК 63.3(2)
К89

Дизайн серии *Дмитрия Агапонова*

В оформлении издания использованы рисунки *Анны Хотеновой*
и иллюстрации из архива Shutterstock

Рецензенты:

д.ф.н., проф. *А.А. Пауткин*,

Основатель Центра исследований древнерусской культуры ЗЕНО *Н.В. Буцких*

Кузнецова, Ольга Александровна

К89 Античность на Руси : похищение чудовищ / Ольга Кузнецова. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 240 с. — (Мировая мифология).

ISBN 978-5-17-155868-0

В книге рассказывается о похищении иноземных чудовищ и об их превращениях, которые происходят в загадочных русских манускриптах. Читатель узнает о жизни драконов на Руси, о появлении ног у медузы и ехидны, о привлекательных бестиях с чертами прекрасных дев, о том, как между Сциллой и Харибдой разместились трехголовый пес, гидра, кит и целый сонм монстров. Наблюдения за метаморфозами античных чудовищ могут быть интересны как специалистам по истории культуры, так и широкому кругу читателей.

УДК 398.4
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-17-155868-0

© Кузнецова О.А., текст, 2024
© Хотенова А.И., иллюстрации, 2024
© Издательство АСТ, 2024

ВВЕДЕНИЕ

ПОЧЕМУ ПОХИЩЕНИЕ?

В наши дни популярны «перевернутые» истории о том, как доблестный рыцарь отправляется на подвиг, но в итоге решает спасти не принцессу, а дракона. Или о том, как принцесса предпочитает колоритного монстра всем этим заурядным принцам. Несколько сотен лет назад люди тоже очень интересовались чудовищами: рисовали их и подробно описывали. Многих монстров «похищали» из иностранных источников, тексты перерабатывались — в результате возникали русские *свинги* (сфинксы) и *китоврасы* (кентавры), *мандихоры* (мантикоры) и кентавроидные *медузы*. В Средневековье эти чудовища были в основном злодеями, а читательский интерес к ним возникал скорее как тяга к страшному, невиданному. Зато сегодня наблюдать за метаморфозами чужеземных чудовищ — одно удовольствие. Надеюсь, вы разделите это удовольствие со мной. С благодарностью прочту любые замечания и отвечу на вопросы, их можно направить по адресу o_kuznetsova@mail.ru.

В работе над этой книгой мне помогли многие замечательные специалисты: Николай Буцких, Игорь Вишня, Алла Волошина, Александра Головачёва, Дмитрий Гришин, Илья Иткин, Анна Куняева, Екатерина Матвеевко, Александр Евгеньевич Махов, Екатерина Пастернак, Алексей Аркадьевич Пауткин, Виолетта Потякина, Анастасия Преображенская, Алёна и Анна Соловьевы, Виктория Ткаченко — этот список

далеко не полон. Хочу поблагодарить за вдохновение и отзывчивость коллег из Московского университета, а также слушателей Школы юного филолога имени Л. М. Баш, участвовавших в чудовищном семинаре, особенно Ирину, Наталью и Тимофея Куценко, Александру Батрак, Ольгу Гаврилину, Марию Дурневу, Елизавету Евдокимову, Анастасию Корниенко, Савелия Мальковского, Елизавету Орлову, Алису Островскую, Наталью Павлову, Алекс Пешехонову, Екатерину Попко, Георгия Пушкарёва, Екатерину Судакову, Дарью Фролову, Евгению Фумм.

ГЛАВА 1

ПОХИЩЕНИЕ ДРАКОНОВ

Как ни грустно, в Древней Руси *змей* (он же дракон) был исключительно зловредным персонажем. Этот гигантский могучий монстр — традиционный соперник великого воина. Змей (он же — змей, дракон) — постоянный символ врага (от иноземного захватчика до лукавого идеологического оппонента), дьявола, смерти, ада, всего порочного в человеке. Это проклятие и наказание, посылаемое на целые города. Это, несомненно, одно из худших чудовищ, даже среди геральдических символов. В «Повести о Брунцвике» XVII в. (где, кстати, цель героя — добыть себе вовсе не царевну, а льва на герб) рыцарь наблюдает битву льва с «драком» и после долгих колебаний принимает сторону уставшего льва, то есть приходит ему на подмогу, выступая против огнедышащего чудовища.

Егда же прииде поближе на глас той, и узрев лва да драка, тако бо той змей — драк слово. И силне биятся меж собою. <...> И взял меч свой, и прискочив к змею, начат с ним битися, заступая лва, уже бо было лву велими тяжко. А тот драк, сиеречь змей, имел 9 глав, а изо всякой главе огонь, яко ис печи, выходит.

Повесть о Брунцвике

Положительные оценки драконов появлялись на Руси только по недоразумению. Например, в алфавитном словаре XVII в. по соседству объяснялось два иностранных слова: имя *Демофил* — дословно «народолюбец» — и название животного *Дракон* — «змей». Поскольку книги переписывались от руки, в них постоянно проникали ошибки. Правда, такие ошибки редко влияли на культуру кардинально, чаще они оставались отдельными смеш-

ными неточностями. Но по таким неточностям иногда можно видеть, как отдельные читатели затрудняются понять смысл какого-либо названия, например потому, что оно совсем новое или в принципе непростое [5]. В процессе многочисленных копирований текст про змея и человеколюбца соединился, а потом снова разделился и удвоился благодаря очередному редактору. В результате на разных страницах нового словаря оказались два слова с одинаковыми определениями: «Демофил — змей-народолюбец» и «Дракон — змей-народолюбец» (видимо, слово «Дракон» теперь тоже понималось как имя собственное). Но человеколюбивым змеем все не закончилось. Еще позже в статье о Демофиле появляется пояснение: «толкуется змий народолюбец, дьявол оболгатель, понеже оболгал ко Адаму Бога» («Алфавит»). Абсолютному большинству читателей даже «испорченных» вариантов текста все-таки было ясно: если какой-то дракон и любит людей, то исключительно в гастрономическом отношении.

Несмотря на дурную репутацию, в Средневековье, а затем и в Новое время чудовища вызвали большой интерес даже у очень образованных, погруженных в книги людей. Поэтому сведения о драконах не только не обойдены вниманием, но бережно собраны и приумножены в русской культуре.

На рельефном изразце XVII в. изображено, как «некий царь» отдает свою дочь ужасному дракону. В центре картинке условный город и сам царь, стоящий в проеме врат. Справа от него несчастная царевна, обращенная к змею. Монстр запечатлен в боевой позе, вылезавшим из норы или озера. Слева и на заднем плане намечены зрители душераздирающей сцены, которая, судя по многочисленным копиям, явно интересовала и забавляла реальных людей XVII–XVIII вв. В другом варианте этого изразца [39] царевна стоит в проеме, а царь изображен возле норы, словно дающим чудовищу зарок, а потом и среди зрителей (то есть в одной картинке совмещаются разные моменты, что характерно для древнерусской иллюстрации). Но как бы ни переосмыслились человеческие фигурки при копировании изразцовой формы, как бы ни стирался, превращаясь в витиеватый орнамент, текст верхней надписи — змей всегда остается в своем убежище, над которым отдельно выписано последнее слово фразы: «ЗМЕЮ». Потому что именно змей и ужасное жертвоприношение, а не какой-то безымянный царь является смысловым центром сюжета, создает его привлекательность.

ДРАКА С ДРАКОМ

На Руси уже из первых переводных книг были известны истории о попытках скормить чужеземных царевен змееподобным монстрам. Самым популярным был сюжет о спасении византийской царевны Елисафы Георгием Победоносцем («Чудо о змие»). В литературных изложениях этой легенды большое внимание уделено именно дракону: он размером с гору, он выходит из озера с ужасающими звуками, он дышит огнем и испускает яд (что вообще свойственно змеям). От его свиста кони сбрасывают всадников, а его бронированная чешуя неуязвима для стрел лучников. В Средневековье одно и то же произведение могли переводить или перерабатывать несколько раз: новые редакции часто содержат интересные дополнения, или, наоборот, в них последовательно исключаются какие-то темы. И в поздней пространной редакции этой повести особенно подчеркивается, что перед нами не просто змей, а воплощение самого зла, против которого выступает доблестный и праведный герой [61]. Поэтому торжество святого над драконом с самого начала соотносится со словами Псалтири: «И на аспид и василиск наступит, и попрет льва и змия» (ср. Пс. 90:13). В этой версии змею сопровождают и другие чудовища: «множество сотоническо», бесы, невидимо атакующие людей. У дракона китовая голова (кит, змей и крокодил часто смешиваются и заменяют друг друга в Средневековье) на длинной шее, что напоминает автору гигантское здание, чудовищное вместилище. Наконец, змей прямо называется сатаной и дьяволом, трехголовым псом, что роднит его с адским Цербером, ненасытной пастью преисподней, огненной бездной, стремящейся сожрать весь мир (сказано, что погибающие от змея люди оказываются в аду).

Бе же близ града того езеро велико, и родисе у езере том пронирыливы змей...

...сии речь дьявол кровопивец, его же величество неудобь сказати, его, да иже с яростию исходяще вон из воды свистанием великим, тогда людие не могоша терпети грозы его, страшны бо бе. Яко из него, егда же из езера исходяще, пушая грозный яд с пламенем огненным, пожирая множества народа града того...

...Злый же змий грядый, аки гора велика, яко волны вышибая на брег, разверзе челюсти своя, аки пропасть — хотяше пожрети святого <...> про-

АНТИЧНОСТЬ НА РУСИ: ПОХИЩЕНИЕ ЧУДОВИЩ

клятый же свився и наложи язык свой, яко стрелу остру, и яда наполни уста своя, и прыскнув на святого...

...от пламенного възрения его и злодохновенья пары и страшного зяения его всяко спроста ослепляешся еСТЬСТВО, ни стрела бо частых и гордых чешуи его прикасашеся...

...губительный си зверь от сраженья вод предних же, хоботом его бьемых, от дыма ноздрьнаго и от пары изригаемо и от верзенаго оногo гортани его, и от искрометною оною очию, и от оногo ужасьнаго и злаго взора его <...> въздвиг китовьскую его и неутомленную главу на въздух и многотажкую его шию, яко комару велику и высокоу, възнесе и зинув велми, яко пропастью...

*Чудо со змеем,
бывшее со святым великомучеником Георгием*

Собственно, борьба Георгия с драконом не совсем настоящая, это символ. Но многоликий чудовищный образ зла в виде змея для составителей разных редакций этой легенды явно очень привлекателен: они его исследуют, уточняют, подбирают к нему новые сравне-

Изображение змия

Кадм и зубы дракона

ния. И если момент схватки с чудовищем не так уж интересен (обычно дракон укрощается чудесным образом, без применения особой силы со стороны героя), то сам змей интересен весьма. На изображениях он размещается под копытами всадника очень аккуратно — так, чтобы можно было рассмотреть во всех изгибах его змеящееся тело, — а тонкий волосок копья, символическое оружие Георгия, не заслоняет собой чудовище. Еще один известный тип изображения — вместе с царевной, «змей на веревочке»: чудовище, связанное пояском, выводится на потеху добрым людям. Поводок обычно держит сама героиня. Униженный дракон ходит «на персах и чревы» — то есть пресмыкается, ползает, как библейский змей-искуситель. Согласно средневековым толкованиям Библии (основанным на тексте Быт. 3:14), змея была лишена ног за пособничество дьяволу после грехопадения, тогда как «нормальный» вид змеи — именно с лапками, как у дракона. Реально существующие «гады» — черепахи, ящерицы, в том числе даже хамелеоны — осознава-

Ясон, поразивший дракона

лись в средневековой культуре как змеи с некоторыми дополнениями: например, с крышкой панциря на спине, — ну а наличие ног у всех этих представителей «рода ехиднина» вполне естественно.

Еще одним драконоборцем неожиданно оказался предводитель аргонавтов Ясон. На миниатюрах Лицевого летописного свода Ивана Грозного (XVI в.) дракон с длинной верхней губой и торчащим языком изображается несколько раз, встреча с ним является едва ли не главным испытанием героя. Согласно более известной нам античной версии, Ясон должен был вспахать поле, укротив ужасных огнедышащих быков (или волов — халкотавров царя Ээта). А затем его задачей было справиться с воинами, появившимися из чудесных семян — зубов дракона, поверженного раньше другим героем, Кадмом. Про Кадма на Руси становится известно гораздо позже. В XVIII в. издается гравюра со сценой появления воинов из зубов дракона. На ней можно видеть, как Кадм по совету Аполлона бросает в почву последний зуб, а успевшие вылез-

ти из-под земли богатыри уже всю воюют между собой в другой части картинки. Из современных энциклопедий по античной мифологии можно узнать, что часть этих волшебных зубов достается и Ясону в качестве испытания.

Но древнерусский Ясон получает сразу после халкотавров живого дракона, «чешую грозна», да и златорунный баран тоже попадает к аргонавтам вовсе не в виде шкуры, что можно видеть на иллюстрации из Лицевого летописного свода. Откуда это взялось? Дело в том, что истории о приключениях большинства античных персонажей приходят к нам не напрямую из древнегреческих или древнеримских сочинений. Не стоит думать, что Античность попала на Русь и там, по неведению и небрежности наших предков, совершенно «испортилась». Разноголосица в изложении мифов возникает уже в позднем эллинизме и Римской империи, то есть противоречащие друг другу версии рассказывались разными античными писателями. Затем европейские авторы в период Средневековья собирают доступное им античное наследие (к примеру, Гомер вовсе не был так популярен, как сейчас) и переписывают, пересоздают истории чудовищ и героев, исходя из своих интересов и норм

Испытания Ясона

морали. На свет появляются совершенно новые художественные и поучительные тексты с античными образами, известные с древности персонажи меняют характеры и роли. Именно такая переосмысленная Античность приходит на Русь, где, конечно, снова подвергается переработке, чтобы встроиться в новую культуру [13; 75].

Огнедышащий змей, сопровождающий огнедышащих быков и даже подменяющий их, постепенно рождается из Колхидского дракона — сторожа золотого руна — или пораженного Гераклом стоглавого змея Ладона. В западноевропейских сочинениях и на гравюрах с Ясоном живой дракон присутствует постоянно. Мотив борьбы со змеем в Средневековье становится устойчивым обозначением противостояния дьяволу, ну а чудесный овен довольно удачно соотносится с Агнцем Господним, так что в Европе в образе аргонатов стали изображать рыцарей, апостолов и вообще ищущих спасения христиан [85: 205].

И все-таки русские мастера-миниатюристы уделяют этому дракону гораздо больше внимания, чем того требует текст. Змей появляется на шести миниатюрах подряд. На двух он свился, словно затаившись, ожидая своей очереди (Ясон тем временем укрощает волов), на трех развернулся и атакует, на последней попирается героем.

...Язон скоро и смело приходит ко змию. Его же егда же змей к себе приходяща возре, многим свистанием и велиим гласом и грозным поражая воздух, шум створити и испущая дымные пламени, ближней воздух теплым разжиганием и очервлением красит.

Лицевой летописный свод

Этот же змей Ясона потом попадает в очень интересное русское сочинение «Книга естествословная» (XVIII в.). Рассказывая об огромных огнедышащих быках с медными ногами, автор прибавляет к ним в качестве сторожа змея, который еще и свистит смертоносно, что само по себе и не ново для русских змеев. И быки, и змей, как и подобает чудовищам, прежде всего сторожат сокровище (руно), как было и с Колхидским драконом. Испытания же со вспахиванием и засеиванием поля здесь отходят на второй план, потому что автора «Книги естествословной» вообще не очень интересуют античные герои.

Испытания Ясона